

Знак / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Знак / рассказ ЗНАК

Молодая маркиза де Реннедон еще почивала в запертой на ключ, благоухающей спальне, на огромной, мягкой, низкой кровати, среди легкого батистового белья, тонкого, как кружево, ласкающего, как поцелуй; она спала одна, безмятежно, счастливым и глубоким сном разведенной жены.

Голоса, ясно доносившиеся из маленькой голубой гостиной, разбудили ее. Она узнала свою близкую подругу, баронессу де Гранжери, которая хотела войти и спорила с горничной, не пускавшей ее в спальню.

Маркиза встала, отодвинула задвижку, повернула ключ и, подняв портьеру, высунула головку, одну только головку, окутанную облаком белокурых волос.

– Что случилось? – сказала она. – Почему ты пришла так рано? Еще нет и девяти.

Баронесса, чрезвычайно бледная и лихорадочно возбужденная, ответила:

– Мне нужно с тобой поговорить. Со мной случилось нечто ужасное.

– Входи же, дорогая.

Баронесса вошла, они расцеловались, и маркиза снова улеглась в постель, пока горничная открывала окна, впуская солнечный свет и воздух. Когда служанка вышла, г-жа де Реннедон промолвила:

– Ну, рассказывай.

Г-жа де Гранжери начала плакать, проливая те прелестные светлые слезинки, которые придают женщинам еще больше очарования, я пролепетала, не вытирая их, чтобы не покраснели глаза:

– О, дорогая, то, что со мной случилось, омерзительно, омерзительно! Я не спала всю ночь, ни одной минуты; понимаешь, ни минутки! Послушай только, как у меня бьется сердце.

И, взяв руку подруги, она положила ее себе на грудь, на

округленную и плотную оболочку женского сердца, которой мужчины часто довольствуются, не стремясь проникнуть глубже. Сердце у нее действительно билось очень сильно.

Она продолжала:

– Это случилось со мной вчера днем... часа в четыре... или в половине пятого. Не помню точно. Тебе хорошо знакома моя квартира; ты знаешь, что маленькая гостиная во втором этаже, та, где я чаще всего бываю, выходит на улицу Сен-Лазар. Ты знаешь также, что я страшно люблю сидеть у окна и смотреть на прохожих. Этот привокзальный квартал такой веселый, такой шумный, такой оживленный... Словом, я люблю все это! Ну, так вот вчера я сидела в низеньком кресле, которое велела поставить у окна; окно было открыто, и я не думала ни о чем, просто вдыхала прозрачный воздух. Помнишь, какой чудесный день был вчера!

Вдруг я замечаю, что на той стороне улицы, напротив меня, тоже сидит у окна женщина, женщина в красном платье; а я была в сиреневом, ты знаешь мое любимое сиреневое платье. Женщина была мне незнакома – какая-то новая жилица, поселившаяся там с месяц назад; так как целый месяц идет дождь, я еще ни разу ее не видела. Но я тут же заметила, что это девица дурного поведения. Сначала я была возмущена и шокирована тем, что она сидит у окна, так же, как я, но потом мало-помалу наблюдение за нею стало меня забавлять. Она сидела, облокотившись на подоконник, и высматривала мужчин, а мужчины тоже поглядывали на нее – все или почти все. Можно было подумать, что, подходя к дому, они уже каким-то образом были предупреждены или чуяли ее, как собака чует дичь: они внезапно подымали голову и обменивались с нею торопливым взглядом заговорщиков. Ее взгляд говорил: «Хотите?» Их взгляд отвечал: «Нет времени», или: «В другой раз», или еще: «Нет ни гроша», или: «Убирайся, дрянь этакая!» Последнюю фразу произносили глаза почтенных отцов семейств.

Ты не можешь себе представить, как было забавно смотреть на ее уловки, или, вернее, на ее работу.

Иногда она внезапно закрывала окно, и я видела, как в подъезде исчезал какой-нибудь господин. Она вылавливала его, как рыбак

ловит пескаря на удочку. Тогда я смотрела на часы. Они проводили вместе от двенадцати до двадцати минут – ни разу больше. Право, в конце концов она взволновала меня, эта паучиха. Притом она была недурна.

Я задавала себе вопрос: «Что она делает, чтобы ее понимали так легко, так быстро и вполне точно? Не подает ли она какого-нибудь знака головой или рукой в дополнение к взгляду?»

И я вооружилась театральным биноклем, чтобы разобраться в ее приемах! О, все было очень просто: сначала быстрый взгляд, потом улыбка, затем чуть заметное движение головой, как бы вопрос: «Не зайдете ли?» Но движение такое легкое, такое неопределенное, такое сдержанное, что действительно нужно быть на высоте искусства, чтобы уметь это делать, как она.

Я подумала: «А у меня вышло бы так же хорошо это движение головой снизу вверх, вызывающее и в то же время милое?» Она действительно проделывала это очень мило.

Я подошла к зеркалу и попробовала. Знаешь, дорогая, у меня это выходило лучше, гораздо лучше! Я была в восторге и опять вернулась к окну.

Теперь она не завлекла больше никого, бедная девушка, совсем никого. Решительно ей не везло. Как все-таки должно быть ужасно таким способом зарабатывать себе на хлеб, – ужасно, хотя порой и занятно: ведь среди мужчин, которых видишь на улице, встречаются далеко не уроды.

Теперь они все проходили по моему тротуару, и ни одного не было на ее стороне. Солнце повернуло к закату. Они проходили одни за другими, молодые, старые, брюнеты, блондины, седеющие, совсем седые.

Были среди них очень привлекательные, право, очень привлекательные, дорогая, гораздо интереснее моего мужа, да и твоего, вернее, бывшего твоего мужа, ведь ты развелась. Теперь ты можешь выбирать!

Я подумала: «Сумею ли я, порядочная женщина, дать им знак, какой полагается?» И вот меня охватило безумное желание сделать этот знак, желание такое сильное, как каприз беременной... безудержное желание, – знаешь, одно из желаний... которым невозможно противиться! Со мной это бывает. Ну, не

глупо ли это? Я думаю, что у нас, у женщин, души обезьян. Кстати, меня уверяли (один доктор говорил мне об этом), что мозг обезьяны очень походит на наш. Нам всегда необходимо кому-нибудь подражать. В первые месяцы брачной жизни мы подражаем нашим мужьям, если любим их, потом нашим любовникам, подругам, духовникам, если они нам нравятся. Мы заимствуем их манеру думать и говорить, их выражения, жесты – словом, все. Как это глупо!

В конце концов то, что мне очень хочется сделать, я всегда делаю!

И я решила: «Ну, хорошо, – попробую на одном, только на одном, просто так, чтобы посмотреть, как выйдет. Что может со мной случиться? Ничего! Мы обменяемся улыбками – и только, и я никогда больше его не увижу, а если и увижу, то он не узнает меня; если же узнает, я стану отрекаться – вот и все».

Начинаю выбирать. Мне хотелось найти кого-нибудь получше. Вдруг вижу: идет высокий блондин, очень красивый молодой человек. Ты знаешь, я люблю блондинов.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Я улыбаюсь; он улыбается; я делаю это движение – о! едва-едва заметное; кивком головы он отвечает «да», и вот он уже входит, дорогая! Он входит в парадный подъезд нашего дома!

Ты не можешь себе представить, что со мной творилось в эту минуту! Право, я думала, что сойду с ума. О, какой ужас! Подумай только, – он сейчас заговорит с лакеем! А ведь Жозеф так предан моему мужу! Жозеф решит, что я давно знакома с этим господином.

Что было делать, скажи? Что делать? Сейчас, сию секунду он позвонит к нам! Что делать, скажи? Я решила, что лучше всего броситься ему навстречу, сказать, что он ошибся, умолять его уйти. Он сжалится над женщиной, над несчастной женщиной! Я помчалась к двери и открыла ее как раз в ту минуту, когда он прикасался к звонку.

Совершенно обезумев, я пролепетала:

– Уходите, сударь, уходите, вы ошиблись, я честная женщина, я замужем! Это ошибка, ужасная ошибка; я приняла вас за знакомого, на которого вы очень похожи. Сжальтесь надо мной,

сударь!

Дорогая моя! В ответ он начинает смеяться и говорит:

– Отлично, кошечка. Знаешь, сказка мне эта давно знакома. Ты замужем, значит, два луидора вместо одного. Ты их получишь. Пойдем, показывай дорогу.

Он отстраняет меня, закрывает двери. Я стою перед ним, застыв от ужаса. Он целует меня, обнимает за талию и ведет в гостиную, – дверь туда оставалась отворенной.

Затем он осматривается кругом, словно судебный пристав, и заявляет:

– Черт возьми, да у тебя очень мило, очень шикарно. Видно, в кармане у тебя совсем уж пусто, если ты промышляешь окошком.

Я снова начинаю его умолять:

– Сударь, уйдите! Уйдите! Сейчас вернется муж! Он вернется сию минуту, он всегда возвращается в это время! Клянусь вам, вы ошиблись!

А он мне спокойно отвечает:

– Ну, крошка, будет кривляться. Если муж вернется, я дам ему пять франков, чтобы он пошел выпить чего-нибудь напротив.

Потом он увидел на камине фотографию Рауля и спрашивает:

– Это и есть твой... твой муж?

– Да, это он.

– Гнусная рожа. А это кто такая? Подруга?

Это была твоя фотография, дорогая, знаешь – в бальном туалете.

Я уж не знала, что говорю, и пробормотала:

– Да, подруга.

– Она прехорошенькая. Ты меня с ней познакомь.

И вот часы бьют пять, а Рауль каждый день возвращается в половине шестого! Подумай только – что было бы, если бы он вернулся раньше, чем ушел этот человек! И вот... и вот... я потеряла голову... совершенно потеряла... я решила... решила... что... что самое лучшее будет... будет избавиться от него... как можно скорее... Чем скорее все это кончится... понимаешь... и вот... вот... раз уж это было необходимо... а это было необходимо, дорогая... без этого он не ушел бы... я... я... я... я заперла дверь гостиной... и... Ну и все...

Маркиза де Реннедон хохотала, как безумная, хохотала, уткнувшись в подушку, сотрясая всю кровать. Немного успокоившись, она спросила:

– А... он был красивый?

– Ну да.

– И ты жалуешься?

– Но... Но видишь ли, дорогая... он сказал... что вернется завтра... в то же время... и я... я ужасно боюсь... Ты не можешь себе представить, до чего он настойчив... и своеволен... Что мне делать... скажи... что делать?

Маркиза уселась в постели, чтобы поразмыслить; потом неожиданно объявила:

– Вели его арестовать.

Баронесса была озадачена. Она пролепетала:

– Как? Что ты говоришь? Что ты придумала? Арестовать его? Но под каким предлогом?

– Очень просто. Отправляйся к полицейскому комиссару и скажи ему, что какой-то господин преследует тебя уже три месяца, что вчера он имел наглость ворваться к тебе, что он угрожал тебе снова явиться завтра и что требуешь защиты закона. Тебе дадут двух полицейских, которые его арестуют.

– Но, дорогая, а если он расскажет?..

– Глупенькая, ему же не поверят, в особенности, если ты как следует разукрасишь свою историю в разговоре с комиссаром. Поверят тебе, ведь ты – дама из безупречного круга.

– О, я ни за что не решусь!

– Нужно решиться, дорогая, иначе ты погибла.

– Подумай только, ведь... ведь он может оскорбить меня... когда его арестуют.

– Пускай, но у тебя будут свидетели, и его приговорят...

– Приговорят? К чему?

– К денежному штрафу. В таком случае нужно быть безжалостной!

– Ах, да, кстати о деньгах... меня ужасно угнетает одно обстоятельство... ужасно. Он оставил... два луидора... на камине.

– Два луидора?

– Да.

– Только и всего?

– Только.

– Мало. Меня бы это унизило. Ну, так что же?

– Что же! Как мне быть с этими деньгами?

Маркиза раздумывала несколько секунд, потом ответила серьезным тоном:

– Дорогая... нужно... нужно... сделать маленький подарок твоему мужу... это будет только справедливо.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 27 апреля 1886 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод К. Локса. Некаýalar